

УДК 94(470.41)+321

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КАЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО ГРАДА БУСУРМАНСКОГО» ХАНСКОГО ПЕРИОДА (1440-е – 1552 гг.)*

А.Г. Бахтин, доктор исторических наук (Йошкар-Ола);

Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук

Узнав о начавшейся междоусобице, Сафа-Гирей обратился к ногайскому князю и мурзам с просьбой о выделении ему воинов. Ногайцы относились к Сафа-Гирею неоднозначно и даже помышляли убить его, однако, будучи настоящим авантюристом, он не скупился на обещания. «А в Казани дей тех людей много, которые нас хотят, – говорил Сафа-Гирей ногайским мурзам, – только дей с мангытскою¹ силою пойду, и они дей меня возмут. А возму дей Казань, и яз дей Юсуфу князю да и вам дам Горную сторону, да и Арскую». Ногайские мурзы обдумывали сказанное, а Сафа-Гирей щедро обещал им большое денежное вознаграждение, а также взять мурзу Юнуса, старшего сына правителя Ногайской Орды князя Юсуфа, князем в Казань «на мангытское место». Ради достижения своей цели он даже выразил готовность признать вассальную зависимость от Ногайской Орды. «По твоему дей жалованью только Казань возму. Яз дей в твоей воле учиню», – заверял он князя Юсуфа. Наконец, ему удалось убедить князя и мурз дать ему войско. Перед этим хан принес присягу в верности своих слов. Примечательно, что Сафа-Гирей обещал не проводить репрессий против казанской знати: «А убью дей человека или

дву, а боле деи того не убью. А опричь деи того, никому никоторого убытка не учиню»².

Однако возвращение изгнанного полгода назад хана устраивало далеко не всех. Только после восьми дней боев Сафа-Гирей смог войти в город³. Но и после этого потребовалось еще некоторое время для подавления сопротивления. Князю Хосрову удалось даже собрать отряд, с помощью которого он попытался ворваться в Казань, однако соотношение сил было неравным. Ногайцам удалось рассеять его отряд⁴. Став ханом в третий раз, Сафа-Гирей (1546–1549) решил навсегда покончить с какой-либо оппозицией своей власти. Физическому истреблению подверглись все, кто открыто не встал на его сторону. Среди погибших были князья Баубек и Кадыш и даже глава мусульман сеит, посмевавший осуждать Сафа-Гирея. Столь массовые репрессии вызвали порицание даже в союзной ему Ногайской Орде. Князь Юсуф с возмущением писал Ивану IV, что Сафа-Гирей, «что было лутчих людей казанских, то всех побил»⁵. Оставшиеся в живых поспешно эмигрировали в Россию и Ногайскую Орду. Летописи фиксируют прибытие в Москву в сентябре 1546 г. 76 казанцев, среди которых находились кня-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2014. – № 1, № 2, № 3, № 4.

зья Кулуш, Тереул, Бурнаш и братья Чюры Нарыкова⁶. Казанские эмигранты были приняты на русскую службу и использовались в дальнейшем в борьбе против Казани. Сафа-Гирею удалось разгромить оппозицию, однако в канун возобновления военных действий с русскими это значительно обескровило и ослабило Казанское ханство и в то же время предоставило правительству Ивана IV дополнительные основания для вмешательства во внутренние дела страны и сотни опытных татарских воинов.

Добившись с помощью ногайских сабель возвращения на ханский престол, Сафа-Гирей не выполнил ни одного обещания, данного ногайским феодалам. Обманутые ногайцы из союзников превратились в противников и начали совершать нападения на казанские пределы. Мурзе Юнусу весной 1548 г. удалось даже подойти к Казани. Понеся большие потери, он вынужден был отступить⁷. Авантюризм Сафа-Гирея поставил Казанское ханство на грань войны сразу на два фронта: на западе – с Россией и на юго-востоке – с Ногайской Ордой.

События, произошедшие в Казани, имели самые серьезные последствия для нетатарского населения ханства. Особенно внимательно за происходящим наблюдали жители Горной стороны. Возвращение Сафа-Гирея и разгром оппозиции неотвратимо должны были вызвать возобновление войны с Россией и новое разорение Горной стороны, которая в русско-казанских конфликтах оказывалась между «молотом и наковальней». В.Д.Димитриев допускает, что намерения Сафа-Гирея передать Горную сторону под власть ногайцев могли стать известны горным людям, что не сулило им ничего хорошего⁸. В данной ситуации народы Горной стороны не хотели больше оставаться безучастными наблюдателями и послушными исполнителями

безрассудных приказов казанского правителя. Необходимо было срочно действовать. О том, как происходил поиск нужного решения, рассказывается в уникальном горномарийском предании об Акпарсе, записанном в XIX веке.

Старейшины и гадатели – «мужаны» сошлись на «великое собрание». Они хорошо понимали, что возобновившаяся война не обойдет стороной их селения и что их жилища будут сожжены, имущество разграблено, посеы вытоптаны, а население, не успевшее укрыться, захвачено в плен или перебито. После долгих размышлений и споров «великое собрание» решило направить в Казань и Москву разведчиков, именуемых в предании как «глаза и уши». Им было поручено собрать как можно больше информации о каждой из сторон и доложить затем старейшинам. «Глаза и уши» отлично справились с заданием. По их возвращении вновь было созвано «великое собрание». Первыми выступили прибывшие из Москвы. Они доложили: «Царь московский крепко сидит на престоле, подданных слуг и войска у него много и все почитают его за земного бога; казною богат, закон у них один и закон соблюдается». Разведчики, побывавшие в Казани, сказали: «На казанском престоле сидит царь не крепко; царей в Казани часто меняют, происходят там бунты, закон у них не соблюдается... плохо там... А главное то, что им против Москвы не устоять. Скоро опять между Москвой и Казанью начнется война». «Великое собрание» постановило искать покровительство у России и направило для этого в Москву специальное посольство⁹. На выбор горных марийцев не могло не повлиять массовое бегство казанских феодалов, оппозиционных режиму Сафа-Гирея.

Известия о посольстве горных людей в Москву зафиксированы не-

сколькими письменными источниками. Они имеются в Никоновской и Львовской летописях, «Летописце начала царства», в «Продолжении хронографа редакции 1512 г.», в Царственной и разрядной книгах. Из них мы узнаем, что 6 и 7 декабря 1546 г. «прислали к великому князю бити челом горная черемиса Тугай с товарищи дву черемисинов, чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служить хотят»¹⁰. Разрядная книга добавляет, что посольство было послано горной черемисой и сотником Атачиком «с товарищи». Далее запись в разрядной книге раскрывает цель прибытия посольства горных людей: «...оне похотели государю и великому князю служить и великого князя воевод встретить за Василем городом и с воеводами итить х Казани»¹¹. Еще более проясняет характер обращения горных людей «Продолжение хронографа редакции 1512 г.», где говорится о том, что «просила горная черемиса царя Шигалея, а хотели итти х Казани и царя с Казани сослати»¹².

Горные люди могли вести переговоры с приказными дьяками и боярами, сам же Иван IV в это время совершал поездку по монастырям и в Москве отсутствовал. Постниковский летописец 60-х гг. XVI в. сообщает, что Иван IV «пригнал на Москву на подводах декабря в 10 день в третьем часу ночи с субботы на неделю безвестно. От Пречистые от Тихвинские к Москве в пол-4 дни перегнал для того, что чаяли по полоняниковым вестем крымского царя или царевичев к Москве. Да и того для, что ис Казани Кадыш князь и вся земля прислали к великому князю к Москве трех татариннов с тем, что оне царя казанского Сафа-Кирея в городе в Казани осадили, только у него его людей 70 человек. И князь великий прислал бы к ним своих людей. А велит им князь

велики поймав царя к себе прислати, и оне пришлют. А велит его в Казани убита, и они его убьют»¹³.

Прибытие в Москву горномарийско-чувацкого «посольства» совпало с массовым притоком туда казанских беженцев. Интересы казанских эмигрантов и горных людей совпали. И те, и другие рассчитывали при поддержке русских войск свергнуть Сафа-Гирея и посадить на ханский престол московского ставленника Шах-Али. Успешная реализация задуманного привела бы к возобновлению российского протектората над Казанским ханством, неизбежно сняла бы напряженность между сторонами, создала благоприятные условия для длительного мира и взаимовыгодного экономического сотрудничества, т.е. дала бы народам Горной стороны то, чего они больше всего желали.

Очевидно, русское правительство не спешило проникнуться доверием к горным марийцам и чувашам, ранее воевавшим против России. Этим можно объяснить тот факт, что предложение горных людей, несмотря на всю очевидную выгоду, полностью русским правительством принято не было.

В феврале 1547 года русское войско перешло Суру. Однако оно не было большим и имело ограниченную разведывательную задачу: «...казанских мест воевати луговые стороны, а к городу ходити не велели...». Русское войско продвинулось только до р. Свяга, не дойдя до Казани 30 верст. В соответствии с указанием, воеводы не разоряли селений горных людей, а наносили удары по Луговой стороне. Как и было обещано, русские нигде на Горной стороне не встретили противодействия. Более того, отряды горных людей, в соответствии с договоренностью, хотели даже присоединиться к русским: «Черемиса горная стороны пришла было многая к воеводам»,

однако «разведав то, что с воеводами царя Шигалея нет, и оне поворотились назад, а иную черемису воеводы у себя оставили и к Москве привели»¹⁴.

Таким образом, можно заключить, что горные люди искренне хотели присоединиться к русским войскам, но, поняв, что они не собираются предпринимать серьезных действий против Казани, сразу же потеряли всякий интерес и не приняли участия в походе, ибо Москва не выполнила условий договоренности, а открытая поддержка русских войск вызвала бы сразу же после их ухода жестокие репрессии со стороны Казани. В то же время русским не было оказано никакого сопротивления.

На окончательное определение политической ориентации народов Горной стороны повлиял удачный для России ход войны. В сентябре 1548 года русские пресекли попытку татар опустошить костромские места, в марте следующего 1549 года отразили последний набег казанских татар на Муром, после чего военная инициатива полностью перешла к России. Этому благоприятствовала неожиданная смерть Сафа-Гирея, наступившая в результате несчастного случая в начале марта¹⁵.

Со смертью Сафа-Гирея в Казани произошел династический кризис. Взрослые сыновья почившего хана Мубарек и Булюк находились в Крыму, в Казани были двухлетний сын Сююмбике Утемыш-Гирей и 12-летний сын от русской пленницы. Ни тот, ни другой не подходили на роль казанского хана. Один был мал, второго браковали за его русское происхождение, впрочем, совершенно напрасно, в 1550 г., защищая город, он погиб на крепостной стене¹⁶. Чтобы пригласить одного из царевичей, в Крым направили специальное посольство, однако по дороге его перехватили касимовцы. Ханом вынуждены были провозгла-

сить младенца Утемыш-Гирея (1549–1551) при регентстве Сююмбеки.

Смерть Сафа-Гирея означала для Казани конец единства, достигнутого путем жестоких казней. Казанский летописец сообщает, что «по смерти царева воста брань велика в Казани, в велможех его крамола и губителство зло: не хотят бо казанцы меншии больших слушати и покарятися им, коим царство приказано бысть брещи; и вси бо творяхуся велики, и властвовати в Казани хотяще, за сие друг друга убиваше...»¹⁷. Все осознавали пагубность продолжения войны с Русским государством, однако выход из ситуации понимали по-разному. Одни уповали на помощь мусульманских стран и допускали возможность мирных переговоров с Россией только с тактической целью, чтобы избежать русского наступления. По сути, это была линия на продолжение войны. Другие видели выход в заключении мира с Россией и готовы были пойти на компромисс и принять ханом ставленника Москвы. Обсуждая создавшееся положение, они говорили: «Нам деи без Москвы нельзя быти, а Москве деи без Казани. Крымцы деи бы деи вышли и поехали прочь»¹⁸. Провосточные настроения оказались сильнее. Странники оппозиции вынуждены были бежать из Казани в Россию и Ногайскую Орду. Казанский летописец сообщает, что многие татары «ис Казани убежаху к Москве, на имя самодержцово, служити ему»¹⁹. Царь с радостью принимал эмигрантов, назначал их на службу и давал большое жалованье. Это стимулировало дальнейшую эмиграцию. Русское правительство было заинтересовано в привлечении на службу казанской знати. В Ногайскую Орду посылались письма к находившимся там представителям казанской знати с приглашением на службу. Например, в феврале 1549 г. такие письма были

направлены с послом И.Б. Федцовым Бейурган сеиду, Илеману князю и бакшею Абдуле. «А что есте к нам писали в своей грамоте, что вам в Нагаех жити истомно, и вы б поехали к нам с нашим послом с Ываном. А как приедете к нам, и мы вас пожалуем своим великим жалованьем и устроим вас, как вам мочно у нас жити доколе ождат Бог нам, и Казанской юрт устроитца», – писал Иван IV беженцам²⁰. Результат не заставил себя ждать: в 1551 г. в Москве находилось уже более 500 казанских князей, мурз и казаков²¹. В 1552 году численность казанских беженцев в России, с учетом членов семей и слуг, приблизилась к 10 000²². От них в 1549 г. поступило челобитье царю с просьбой о посылке на ханское место в Казань Шах-Али. Иван IV внимательно следил за происходящим в Казани, узнавая, что после смерти Сафа-Гирея «в велможях его и во всех казанцах возмущение, и брань, и самоволие велико...»²³. Он решил незамедлительно воспользоваться ослаблением ханства и начавшимся брожением в Казани для нанесения удара, чтобы посадить на трон Шах-Али и восстановить протекторат. Многочисленные эмигранты, по замыслу царя, должны были составить опору московскому ставленнику²⁴. В июле состоялось заседание Боярской думы, на котором присутствовал митрополит Макарий. Обсуждался вопрос о продолжении войны с Казанью. Решено было идти в поход «по первому зимнему пути» самому Ивану IV²⁵.

23 января 1550 года 60-тысячное русское войско двинулись к Казани. По пути они «многие места по Горной стороне воевали и по Арской и по Луговой стороне воевали много и полону имали»²⁶. Однако зимний поход 1549/50 г. не принес победы. Правительство в Казани возглавил крымский улан Кошак, который сумел организовать оборону города. Русские

источники по-разному объясняют причины ухода войск из-под Казани. Некоторые летописи указывали на оттепение²⁷. Сам Иван IV в письме ногайскому князю Юсуфу писал: «А сее зимы казанскую землю воевали есмя сами, и в городе есмя в Казани многих людей побили, а иных есмя казанских людей многих в полон взяли. А пошли есмя от города в борзе потому, что пришла тепль великая, и река Казань прошла. И для теплоты города Казани достовати было нельзе»²⁸. Резкое оттепение действительно было, об этом сообщают многие летописи²⁹. Однако не только плохой погодой объясняется отступление русских войск от Казани. Ряд летописей и А.М. Курбский кратко констатируют, что во время неудачного приступа русские «града не взяша, а множество много людей на обе страны побито»³⁰. Принимавший участие в обороне Казани астраханец Ходжа Тархани Шерифи свидетельствует о значительных потерях как среди казанцев, особенно страдавших от русской артиллерии, так и о неисчислимых потерях среди русских. По его словам, «два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого... Это было такое сражение – будто судный день, мир наполнился звуками кинжалов, в городе Казани кровь текла рекой». Победа досталась казанцам. «Грешные неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен. Не было места, куда можно было бы ступить ногой», – пишет Шерифи³¹.

Неудача похода показала: 1) зимой успешность действий русских войск во многом зависит от капризов погоды; 2) отрицательно сказывалась оторванность от баз; 3) русские смогли еще раз убедиться, что казанцы, несмотря на внутренние неурядицы и слабость ханской власти, обладают достаточным военным и материаль-

ным потенциалом и волей к сопротивлению. Все эти обстоятельства препятствовали русским в достижении решительной победы. В то же время казанцы понесли столь существенные потери, что стала очевидна неизбежность падения города при менее благоприятном стечении обстоятельств. На это указывает и чисто оборонительная тактика казанцев. Они уже были не в состоянии давать полевые сражения и преследовать отступающего неприятеля.

Готовиться к новой кампании против Казани Иван IV начал еще по дороге в Москву. Было ясно, что русским необходима база вблизи Казани. Царь принял решение воздвигнуть такую на Горной стороне. Построение крепости в непосредственной близости от Казани позволяло, по словам Ивана IV, «тесноту бы учинити казаньской земле»³². Царь обсудил этот вопрос с воеводами, Шах-Али и казанскими князьями-эмигрантами. Идея строительства крепости была одобрена всеми. Казанские князья и Шах-Али даже указали Ивану IV удобное для строительства крепости место в устье Свяги на Круглой горе³³.

В течение зимы 1550/51 г. в угличских лесах под руководством талантливого инженера дьяка И.Г. Выродкова был заготовлен необходимый для возведения крепости материал. Предполагалось срубленные заранее крепостные стены и дома разобрать и на судах спустить Волгой до нужного места и возвести крепость под носом у противника.

К апрелю 1551 г. все было готово к проведению новой кампании против Казани. Ключевым моментом в ней должна была стать не осада Казани, как это было прежде, а построение крепости на Свяге. Для прикрытия строительных работ сформировали несколько войсковых групп. Судовая рать под командованием П.С. Сереб-

ряного должна была выступить первой и занять место будущего строительства, а затем атаковать Казань и тем самым связать силы ханства. Вслед должны были двигаться суда с разобранными срубами. Охрану судов и строительство крепости поручалось осуществлять полкам под формальным командованием Шах-Али и Ю.М. Булгакова. В составе войска двигался отряд из 500 казанских эмигрантов. Летописец замечает, что «много бо их тогда бяше у государя». С юга от возможного нападения крымцев и ногайцев строительство прикрывало выдвинутое в степь войско Д.И. Хилкова. Вятку и Каму брали под контроль вятчане во главе с Бахтеяром Зюзиным. Переправы на Волге поручалось занять казакам, «чтобы воинские люди ис Казани и в Казань не ездили»³⁴. Войскам было приказано «казанския улусы пленити и воевати, и не щадити ни жен, ни детей, ни старых, ни юных, но всех под меч клонити»³⁵. Таким образом, одновременно со строительством крепости предполагалось осуществить отвлекающие удары и блокаду центра ханства для деморализации противника.

Наступление началось 16 мая 1551 г. и развивалось успешно. Уже к вечеру следующего дня русские вышли к Круглой горе на Свяге, а утром 18 мая, под прикрытием густого тумана, незаметно приблизились к Казани и удачно атаковали посад. Появление П.С. Серебряного под городом было полной неожиданностью для татар. «А на посад пришел безвестно и божиею милостью побил многих людей; и живых поимали, и полону русского много отполонили, а князей и мурз великих болши ста побили, и многих мелких людей и жен и робят побили», — повествует летописец³⁶.

Подверглись атакам и улусы ханства. Казанский летописец сообщает, что русские воеводы «распустиша воя

по улусом казанским воевати, и пленити горния черемиса и нижния»³⁷. Этим была обеспечена возможность прибывшим 24 мая строителям беспрепятственно заниматься своим делом. Уже через четыре недели после начала работ были возведены крепостные стены, а к 30 июля завершено строительство города, названного Ивангородом на Свияге. Однако название не закрепилось и город стали именовать по реке Свияжском.

Столь неожиданное и быстрое возведение русской крепости вблизи центра Казанского ханства произвело ошеломляющее впечатление на современников. В Казани долго не могли поверить в этот факт, полагая, что русские поставили лишь гуляй-город. «Егда же истину уведаша казанцы, что поставлен бысть великий град, и почаша тужити и тосковати», – сообщает Казанский летописец³⁸. Причины для переживаний были весьма серьезные, казанцы хорошо представляли, какие преимущества получают русские для ведения войны с построением базы недалеко от Казани. В татарской летописи говорится, что «иноверцы русские у устья реки Свияги поставили крепость: в ней сложили свои пушки, деньги и крепостные запасы»³⁹.

Возведение крепости подняло дух русского воинства: «И от сего прияша вся воя руская известно дерзновение на враги своя казанцы и на всю черемису их»⁴⁰.

Политическая обстановка на Горной стороне, несомненно, принималась в расчет при разработке плана кампании лета 1551 года. В целом она была благоприятна для России. С 1547 года население Горной стороны находилось перед выбором и занимало выжидательную, нейтральную позицию, формально сохраняло покорность казанскому хану, и в то же время уклонялось от участия в войне против русских. На окончательное

определение политической ориентации народов Горной стороны повлиял удачный для России ход войны. Возведение на Свияге крепости с многочисленным гарнизоном и начало нового опустошения Горной стороны русскими войсками окончательно склонили настроения основной массы местного населения в пользу России. Этому благоприятствовало и то, что татарские феодалы, жившие на Горной стороне, поспешили убежать в Казань и не могли оказывать влияние на колеблющуюся часть населения. «Горние же люди, видев то, что город царя православного стал в их земле, и почаша ко царю⁴¹ и воеводам приезжати, и бити челом, чтобы их государь пожаловал гнев свой отдал; а велел бы им быти у Свияжского города, и воевати их не велел»⁴². Казанский летописец добавляет, что «старейшины и сотники горния черемисы» пришли с челобитьем на третий день после начала строительства, т.е. 26 мая⁴³. В Степенной книге сообщается, что жившие в окрестностях строящегося города «горнии люди начаша присягати и град делати помагаху, хлеб же и мед и скот и всякую потребу во град привожаху»⁴⁴.

Сообщение об удачных действиях русских войск, возведении новой крепости и челобитье горных людей («а горние люди государю хотят служити»), было направлено в Москву с касимовским князем Шабасом Шамовым и боярином И.Ф. Шишкиным. Вскоре горные люди от «всее Горнее стороны» снова били челом боярам и Шах-Али, прося разрешения на поездку их делегации в Москву. При очевидной неизбежности включения Горной стороны в состав России местные старейшины посчитали необходимым обговорить с русским царем условия этого акта. Разрешение было получено, и их делегация во главе с Магметом Бозубовым и Ахкубеком Тогаевым

выехала в Москву. В Москве «Магмет с товарищи государю били челом ото всея Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чувашей и черемися и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжьского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным быти и к Казани от Свяжскаго города никак не отложитися; и пожаловал бы их государь, в ясакех полегчил и дал бы им жаловалную свою грамоту, как им вперед быть». «Государь их пожаловал, гнев свой им отдал и воевати их не велел и взял их к своему Свяжскому городу; и дал им грамоту жаловалную з золотою печатию, а ясаки им отдал на три годы; да Магмета с таварыщи пожаловал великим жалованием, шубами и деньгами». Но и Иван IV, в свою очередь, потребовал от горных людей «государю царю и великому князю служить и хотети во всем добра, и от города от Свяжского неотступным быти, и дани и оброки черным людем всякие платить, как их государь пожалует и как прежним царем платили, а полону им руского никак у себя не держать, весь освобожати». На этих условиях в июне 1551 г. «воеводы горных людей, князей и мурз и сотных князей и десятных и чувашу и черемису и мордву и можаров и тарханов, привели к правде»⁴⁵. Таким образом, в июне 1551 г. произошло мирное присоединение Горной стороны к Российскому государству.

Судя по летописным известиям, инициаторами челобитья были горные марийцы и чуваша, присягу же принимали также мордва и местные татары. Среди последних было немало тех, кто оппозиционно относился к правившему в Казани режиму. В одном из чувашских преданий рассказывается, что еще в декабре 1546 г. во время переговоров в Москве сотник

Анчик уверял русских бояр в том, что «и татары будут рады русским, потому что и между ними есть много недовольных ханом за то, что его слуги, богатыри-воины, разбойничают над всеми»⁴⁶. Это предание реально отражает существовавшие среди казанских татар антикрымские настроения.

Однако в Москве имели богатый и разнообразный опыт взаимоотношений с народами Среднего Поволжья и опасались коварного предательства. Необходимо было принять меры к укреплению новых подданных за русским государем. Решили испытать горных людей на верность. Им было заявлено: «Правду есте государю учинили, пойдите же, покажите свою правду государю, воюйте его недруга». Горные марийцы и чуваша вооружились и атаковали Казань. С военной точки зрения операция была неудачна. Когда отряд подошел к городу, «вышли к ним все казанские люди крымцы и казанцы; да с ними билися крепко, и от обоих падоша. Казанцы ж вывезли на них из города пушки, и пищали, да учили на них стреляти; и горние люди чуваша и черемиса дрогнули и побежали; и убили у них казанцы человек со сто, а с пятьдесят живых поймали»⁴⁷. Однако поход продемонстрировал искренность народов Горной стороны в принятии российского подданства.

Следующей мерой, призванной закрепить население Горной стороны за Россией, стало одаривание или подкуп местной знати. Это было одно из традиционных средств, используемых русским правительством в отношениях с татарскими государствами. Летопись об этом повествует так: «Горние же люди ездили ко государю во все лето человек по пяти сот и по шти сот; а государь их пожаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты; а иным

чуваше и черемисе камчаты и отласныя; а молодым однорядки, и сукна, и шубы белы; а всех государь пожаловал доспехи, и коньми, и деньгами». Такая небывалая царская щедрость вызвала всеобщее удивление среди московского люда. Даже летописец не удержался от восклицания: «А государево жалование к ним не оскудевает, но паче государь прибавливает: многое множество роздаваше, паче же своих воинов жалуючи. В прежних бо летописцах таковых расходов не пишет, каково государь жалование к своим, и ко всем приходящим покажет». Действия русского правительства скоро принесли свои положительные результаты. Горные люди «прямить почали; и служить правдою и на Луговую сторону ходити воевати, и языков добывати»⁴⁸.

Присоединение Горной стороны к России было сложным и противоречивым событием. Давнишние связи с Россией и ослабление контактов с Казанью создали социально-экономические и политические предпосылки для мирного вхождения этой части ханства в состав Русского государства. Но отторжение части территории от единого государства не могло произойти безболезненно. Население воспринимало происходящее неоднозначно, были сторонники и противники присоединения, основная же масса, очевидно, колебалась и пребывала в нерешительности. В условиях затянувшейся войны горные люди наиболее страдали от ее последствий и не получали при этом действенной защиты из Казани. Как только обозначился явный перевес сил в пользу России, основная масса населения склонилась в сторону России. Присоединение Горной стороны к России произошло хотя и мирно, но отнюдь не добровольно, а вынужденно, под воздействием внешних обстоятельств. Челобитье горных людей с просьбой

о принятии их в подданство последовало лишь после введения на Горную сторону значительного контингента русских войск и начала строительства Свяжской крепости. На мирный и одновременно сложный характер присоединения народов Горной стороны указывал и А.М. Курбский, подчеркивая, что горные люди «хотяще и не хотяще, покоришася» русскому царю⁴⁹. Аналогичным образом можно истолковать и слова русских дипломатов на начавшихся вскоре в Казани мирных переговорах, где они заявляли, что Горную сторону государь «божиим милосердием да саблею взял до их челобития»⁵⁰. Тем не менее вооруженного завоевания Горной стороны не было, активные действия русских лишь ускорили наметившийся процесс мирного вхождения местных народов в состав России. В «Летописчике» Игнатия Зайцева, составленном в 1555/56 г., отмечается, что «горная черемиса мирна заложила за великого князя в лето 7059 (1551) июня, как поставили город на Свяге»⁵¹. Присоединение Горной стороны к Российскому государству предопределило дальнейшую судьбу Казанского ханства и положило начало вхождению всего Поволжья и Приуралья в состав России.

Успешные действия русских войск во время кампании 1551 г. наглядно продемонстрировали, что правительство крымского улана Кошкака и царицы Сююмбике не в состоянии обеспечить безопасность и единство страны, вследствие чего противоречия между казанцами и крымцами заметно обострились: «...начаша рознити казанцы с крымцы». Среди казанцев началось брожение, нарастали настроения в пользу начала мирных переговоров с царем Иваном. Дошло до того, что «чуваша арская» пришла «з боем на крымцов, о чем де не биют челом государю». Мятежников удалось рас-

сеять, однако казанцы больше не хотели подчиняться крымцам. Многие князья и мурзы уезжали на службу к русскому государю⁵². Потеряв всякую надежду удержаться в Казани и опасаясь переворота, 300 крымцев во главе с уланом Кошаком, бросив свои казанские семьи и слуг, попытались покинуть страну, однако при переправе через Вятку были перехвачены русской заставой, частью перебиты, а частью взяты в плен и отправлены в Москву и там, после отказа креститься, казнены⁵³.

Бегство из Казани крымцев создало условия для начала мирных переговоров. Чтобы избежать полного поражения в войне, казанцы вынуждены были пойти на существенные уступки. Русские дипломаты настояли на том, чтобы пятилетний хан Утемыш-Гирей и его мать – регентша Сююмбике – были смещены и депортированы в Россию. Ханом уже в третий раз объявили русского ставленника Шах-Али (1551–1552). По условиям договора казанцы обязывались выдать также всех оставшихся в ханстве крымцев и освободить русских пленных. Неожиданным для казанцев стало объявление Горной стороны российской территорией, что вызвало особое неудовольствие. Условия мирного договора, продиктованные российской стороной, оказались весьма жесткими. Казанская знать, а под ее давлением и сам хан Шах-Али, стали настоятельно требовать возвращения отторгнутой территории: «И они все стали о Горней стороне говорить, что тово им учинити не мощно, что земля разделить». На что бояре «по государеву приказу отмовили, что тому делу инако не быть, что государю бог дал, то ся ему не поступить»⁵⁴. Так и не добившись никаких уступок, казанцы с большой неохотой вынуждены были принять условия мирного договора. Летописец замечает, что «к

правде пошли все люди казанские, по сту человек и по двесте и по триста, а не вдруг»⁵⁵. В сентябре 1551 года казанская знать вновь возвратилась к этому вопросу, попытавшись склонить русское правительство к компромиссу. Соглашаясь признать переход Горной стороны под власть русского государя, они просили, чтобы он хотя бы им «придал ясаков з Горние стороны»⁵⁶. Однако и на этот раз последовал решительный отказ. Иван IV рассчитывал не только оставить за Россией стратегически важный плацдарм, позволявший держать под контролем все Поволжье, но и ослабить этим Казанское ханство экономически, лишив его основных поступлений ясака. Это неизбежно усилило бы зависимость ханства от России. Казанским послам было категорично заявлено, что государю с «Горние стороны х Казани ни одной денги не отдаивати...»⁵⁷.

Неуступчивость российского правительства заметно ухудшила межгосударственные отношения. Марионеточный правитель Шах-Али не мог отстаивать интересы казанцев и поэтому быстро утратил и без того низкий авторитет. Его распоряжения саботировались, казанцы не торопились освобождать русских пленных. Даже касимовские татары из окружения хана стали обзаводиться русскими рабами. Из-за опасения восстания хан не был в состоянии выполнять все требования русских, что вызывало раздражение в Москве. Неустойчивостью положения Шах-Али поспешили воспользоваться сторонники восточной партии, начавшие активную работу, направленную против русского присутствия и неугодного хана. Многие казанские князья, мурзы и уланы выехали в Ногайскую Орду, где подбивали ногайцев к нападению на Россию. В самой Казани полным ходом шла подготовка к государственному перевороту. Пытаясь

упредить своих недругов, Шах-Али перешел к репрессиям, действуя по привычному для него коварному сценарию. Пригласив своих противников на пир, он приказал их перебить: «...кои были в ызбе, царевы князи порезали их, а многих на цареве дворе побии стрелцы великого князя, а иных велел стрелцом по подворием побить...». Всего убили 70 князей, мурз и уланов. Однако избиение знати лишь накалило атмосферу, после чего падение режима Шах-Али стало неизбежным. В декабре 1551 года он с отчаянием говорил русским боярам: «Прожить де мне в Казани не мощно, загрузил есми казанцом добре»⁵⁸. Хану предложили укрепить власть посредством русских людей. Шах-Али возразил: «Бусурман де есми, не хочю на свою веру стати, а государю своему царю великому князю изменить не хочю же...»⁵⁹. Шах-Али

оказался в сложном противоречивом положении и осознал, что не в состоянии разрешить ситуацию.

В январе 1552 года промосковски настроенной частью казанской знати – князьями Нур Али Ширином, Хосровым и Алемердином азеем было выдвинуто предложение сместить хана Шах-Али и принять Казанское ханство в подданство России с назначением наместником в Казани русского боярина. При этом Казань должна была сохранять определенную автономию⁶⁰. Не исключено, что обращение казанской знати к Ивану IV было инспирировано правящими кругами России. Такое мнение высказывается некоторыми историками⁶¹. С.Х.Алишев допускает инициативу принятия такого решения самими казанцами, желающими спасти Казань от завоевания «путем добровольного, но терпимого подданства»⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеются в виду ногайцы.
- ² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 293; ПДРВ. – Ч. 8. – С. 272–274.
- ³ ПДРВ. – Ч. 8. – С. 143, 271–272.
- ⁴ Там же. – С. 163.
- ⁵ Там же. – С. 144.
- ⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 148, 449–450; Т. XX. Ч. 2. – С. 467–468; Т. XXIX. – С. 49.
- ⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 294, 304, 318; ПДРВ. – Ч. 8. – С. 274–275.
- ⁸ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). – Чебоксары, 1986. – С. 34.
- ⁹ *Айплатов Г.Н.* Указ. соч. – С. 88–90.
- ¹⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 150, 450; Т. XX. Ч. 2. – С. 468; Т. XXIX. – С. 49; ЦК. – С. 126.
- ¹¹ РК. 1475 – 1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 330.
- ¹² ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 526.
- ¹³ ПСРЛ. – Т. XXXIV. – С. 28.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 459; Т. XXII. Ч. 1. – С. 529; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 296.
- ¹⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 461.
- ¹⁷ КИ. – С. 83.
- ¹⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 301–302, 321, 323.
- ¹⁹ КИ. – С. 83.
- ²⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 276, 297, 301–303.

- ²¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 163, 465; Т. XXXIV. – С. 398; ЦК. – С. 164.
- ²² КИ. – С. 83.
- ²³ КИ. – С. 85.
- ²⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 301–302.
- ²⁵ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 363–364; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 168.
- ²⁶ ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 531; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 299.
- ²⁷ *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 169.
- ²⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 327.
- ²⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 159, 461; Т. XX. Ч. 2. – С. 477; Т. XXIX. – С. 58; КИ. – С. 85.
- ³⁰ ПСРЛ. – Т. IV. – С. 621; Т. XIII. – С. 158, 461; Т. XX. Ч. 2. – С. 477; Т. XXII. Ч. 1. – С. 531; Т. XXIX. – С. 58; ЦК. – С. 158; КИ. – С. 85; Сказания князя Курбского. – Ч. 1. – С. 14; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 377–378; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 299.
- ³¹ *Шерифи Х.Т.* Указ. соч. – С. 92.
- ³² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 159, 461; Т. XX. Ч. 2. – С. 477; Т. XXIX. – С. 59; ЦК. – С. 158–159.
- ³³ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 59; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 169–170; КИ. – С. 85.
- ³⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 163–164, 464–465; ЦК. – С. 165; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 397–399; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 172–173.
- ³⁵ КИ. – С. 86–87.
- ³⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 164, 465.
- ³⁷ КИ. – С. 87.
- ³⁸ КИ. – С. 92.
- ³⁹ *Катанов Н.Ф., Покровский И.М.* Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве. – Казань, 1905. – С. 7, 11, 16, 21.
- ⁴⁰ КИ. – С. 88.
- ⁴¹ В данном случае речь идет о Шах-Али, формально возглавлявшем воинскую группировку, занимавшуюся строительством Свяжска. Очевидно, пребывание Шах-Али в составе войск сыграло не последнюю роль в решении горных людей принять русское подданство.
- ⁴² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 164, 466; Т. XXIX. – С. 61–62; ЦК. – С. 170.
- ⁴³ КИ. – С. 88.
- ⁴⁴ ПСРЛ. – Т. XXI. – С. 641.
- ⁴⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 164–165, 466.
- ⁴⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. – Чебоксары, 1983. – Ч. 1. – С. 62.
- ⁴⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 165, 466; Т. XXIX. – С. 62; ЦК. – С. 174.
- ⁴⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 165–166, 466–467; Т. XXIX. – С. 63; ЦК. – С. 174–175.
- ⁴⁹ Сказания князя Курбского. – Ч. 1. – С. 19.
- ⁵⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 167, 468.
- ⁵¹ *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. – М.-Л., 1950. – Т. 5. – С. 18.
- ⁵² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 166; Т. XXIX. – С. 63; ЦК. – С. 175; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 175.
- ⁵³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 166, 468; КИ. – С. 94.
- ⁵⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 167, 468–469.
- ⁵⁵ Там же. – С. 169.
- ⁵⁶ Там же. – С. 171.
- ⁵⁷ Там же. – С. 172, 472.
- ⁵⁸ Там же. – С. 167–173, 472.
- ⁵⁹ Там же. – С. 173.
- ⁶⁰ Там же. – С. 173–174, 473; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 181.

⁶¹ *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана.– Казань, 1995. – Ч. 1. – С. 229; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. – М., 1999. – С. 39.

⁶² *Алишев С.Х.* Казань и Москва. – С. 108–109.

Аннотация

В статье рассмотрена политическая история Казанского ханства. Указывается, что во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с ближайшими соседями, так и отдаленными государствами. Скрупулезно исследованы и по возможности объективно изложены взаимоотношения Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Тюменского ханств, а также Московии и Ногайской Орды в XV – первой половине XVI в.

Ключевые слова: политическая история, Среднее Поволжье, Казанское ханство, Московское государство, татары, русские, мари́йцы, мусульмане, христиане.

Summary

The article discusses the political history of the Kazan Khanate. Indicates that foreign policy of Khanate had diplomatic, economic and cultural relations and military conflicts with both immediate neighbors and distant countries. Meticulously researched and as possible objectively presented relationships of Kazan, Crimea, Kasimov, Tyumen, Astrakhan Khanates, Muscovy and the Nogai Horde in the XV – the first half of the XVI centuries.

Keywords: Political History, Middle Volga Region, Kazan Khanate, Moscow State, Tatars, Russians, Mari, Muslims, Christians.